
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ XIX–XX ВЕКОВ

Оригинальная статья

УДК 37:27(470.41-25)"1855/1870"

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.53-66>

Мусульманин в микросекулярном обществе: К. Насыри – преподаватель православных духовных учебных заведений Казани (1855–1870 годы)

И.К. Загидуллин

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

zagik63@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрена деятельность Каюма Насыри в качестве преподавателя татарского языка в православных духовных учебных заведениях Казани в 1855–1870 гг. Микросекулярное общество, в котором оказался татарский просветитель, с одной стороны, ограничивало его контакты с традиционным мусульманским сообществом, вывело из сферы «общественного контроля» его религиозные практики и повседневную жизнь, с другой – сформировало новый круг общения в рамках учебно-методических и научных интересов. Находясь в системе православного религиозного образования, К. Насыри в своем быту сохранял целостность мусульманского религиозного уклада. Однако в условиях отсутствия традиционного конфессионального окружения происходило определенное снижение его религиозной активности. Благодаря самоотверженной научно-педагогической работе и товарищеской помощи представителей русской и татарской интеллигенции К. Насыри состоялся как ученый-языковед, этнограф и исследователь-методист. Именно в этом микросекулярном обществе сформировались контуры его просветительской программы. Активно изучая научную литературу, знакомясь с периодической печатью и общаясь с казанскими преподавателями-тюркологами и востоковедами, К. Насыри стал одним из представителей высокообразованной отечественной интеллигенции.

Ключевые слова: Каюм Насыри, татарское просветительство, Казанская православная духовная семинария, микросекулярное общество

Для цитирования: Загидуллин И.К. Мусульманин в микросекулярном обществе: К. Насыри – преподаватель православных духовных учебных заведений г. Казани (1855–1870 годы) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 2. С. 53–66. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.53-66>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.53-66>

A Muslim in a micro-secular society: K. Nasyri as a teacher at Orthodox theological schools in Kazan (1855–1870)

I.K. Zagidullin

Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

zagik63@mail.ru

Abstract

Kayum Nasyri's work as a teacher of the Tatar language at Orthodox theological schools in Kazan during the period from 1855 to 1870 is explored. In the micro-secular society of that time, his ties to the traditional Muslim community were weakened, distancing his religious practices and everyday life from "public oversight." At the same time, this setting integrated him into a new intellectual world that aligned with his teaching and research interests. Despite being part of the Orthodox educational system, K. Nasyri maintained his Muslim way of life, even as the absence of a strong confessional community led to a slight decline in his religious activities. His dedication to scholarship and pedagogy, along with the support from prominent figures of the Russian and Tatar intelligentsia, shaped him into an outstanding linguist, ethnographer, and methodological expert. Within this micro-secular context, his enlightenment program took form. Engaging with scholarly literature, periodicals, and discussions with Kazan's leading Turkologists and Orientalists, K. Nasyri became one of the most educated members of the Russian intelligentsia.

Keywords: Kayum Nasyri, Tatar enlightenment, Kazan Orthodox Theological Seminary, micro-secular society

For citation: Zagidullin I.K. A Muslim in a micro-secular society: K. Nasyri as a teacher at Orthodox theological schools in Kazan (1855–1870). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 2, pp. 53–66. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.2.53-66>. (In Russian)

Введение. В биографии великого татарского просветителя Каюма Насыри можно выделить несколько этапов. Габделькаюм родился 2 (14) февраля 1825 г. в деревне Малые Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии (современный Зеленодольский район Республики Татарстан) в семье муллы «без указа» (неофициального) Габденнасыра Хусаинова. Воспитывался в традиционной мусульманской семье, получил домашнее образование, по примеру отца-каллиграфа овладел красивым почерком, переписывал религиозные рукописи, в 16 лет поступил в Сагидовское медресе г. Казани.

После 14-летнего периода учебы в медресе (1841–1855 гг.) К. Насыри приступил к преподавательской деятельности в православных духовных учебных заведениях губернского города (1855–1870 гг.), затем последовал «учительский период» в казенной русско-татарской школе (1871–1877 гг.). В «вольный период» (1877–1902 гг.), когда он занимался главным образом обучением на дому, ученым были написаны и изданы труды, которые составляют золотой фонд татарской общественной мысли второй половины XIX в.

После завершения обучения в Сагидовском медресе Казани у Каюма была возможность стать муллой в сельской махалле, что обеспечило бы ему безбедное существование. Однако К. Насыри не захотел стать духовным лицом. Полагаем, что такое решение было принято под воздействием нескольких факторов.

Прежде всего следует отметить, что в семье Габденнасыра Хусаинова считалось, что все выдающиеся предки рода достигли высокого общественного положения и пользовались в округе авторитетом благодаря знанию русского языка и сотрудничеству с властями [1, с. 7; 2, с. 61]. Занимаясь составлением прошений и выступая в качестве доверенного лица по общественным делам перед администрацией и в земских судах, отец Каюма продолжил традиции своих предков. Выпускник медресе, избранный жителями родной деревни на приходскую духовную должность, отказался от духовной карьеры и занялся торговлей. Члены семьи Габденнасыра выросли в обстановке открытости к русской культуре и русским людям. Свою роль сыграла, очевидно, и интегрированность шакирда Каюма, благодаря обучению в Михайловском начальном училище Казани, в инокультурную среду.

Важно также отметить, что в стенах медресе Каюм остро ощущал душевный дискомфорт: сильнее, чем от бедности, страдал от одиночества. О своем взаимодействии с окружающими в письме старшему брату Габдельхаю от 23 апреля 1858 г. он сообщал буквально следующее: «...есть ли что-либо тяжелее одиночества? Испытал же я горесть одиночества. Около 15 лет провел в медресе. Никто там меня не понимал, я был одиноким»¹ (I, с. 557). Получается, что в стенах медресе, среди сверстников-шакирдов и хальф, К. Насыри чувствовал свою не востребованность и душевную пустоту. Неожиданное предложение преподавать в русском православном учебном заведении позволило ему, возможно, впервые в жизни почувствовать свою полезность для общества. Приглашение было воспринято им как спасительная возможность избавиться от душевного одиночества, кроме того, у него была и мотивация в совершенстве изучить русский язык [3, с. 46].

Результаты и обсуждение. Своим поступком Каюм «перешел черту», бросив вызов всему мусульманскому сообществу, которое обвинило его в «измене» исламу. К. Насыри неслучайно получил прозвище «Урыс Каюм» («Русский Каюм»), означавшее, что он преподает родной язык будущим православным священникам с целью их подготовки в качестве миссионеров, призванных осуществлять христианизацию его единоверцев. В то же время необходимо отметить силу духа К. Насыри. В тот момент, когда абсолютное большинство мусульман избегало общения с православными священниками, опасаясь за свою веру, Каюм не испытывал страха потери своей религиозной идентичности.

Следует также упомянуть, что К. Насыри был не первым мусульманином, преподававшим в православных учебных заведениях. В изучаемый период в Казани существовала трехступенчатая система подготовки православных духовных кадров. Обучение татарскому языку в Казанском православном духовном училище и Казанской духовной семинарии (КДС) рассматривалось как подготовка знающих татарский язык молодых людей для поступления на противомусульманское отделение Казанской духовной академии (КДА) [4, с. 36].

Свидетельство об окончании Казанского православного духовного училища давало право на поступление в среднее профессиональное религиозное учебное заведение – местную духовную семинарию. Оба эти заведения подчинялись КДА, которая являлась высшей ступенью профессионального православного духовного образования. В КДА кафедра та-

¹ Перевод наш. – И. З.

тарского языка и татарский класс были открыты в 1845 г. В 1846–1848 гг. преподаватель мусульманской каллиграфии восточного разряда Казанского университета Мухаммадгали Махмудов по совместительству вел в КДА уроки татарского языка, а в 1849–1859 гг. татарский язык в качестве практиканта преподавал Биктимир Янбулатович Юсупов [5, с. 74].

В 1854 г. при КДА было учреждено миссионерское противомусульманское отделение, преподавателями которого были назначены Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков (с 1856 г.) и практикант Ямбулатов² [6, с. 146].

С 1 марта 1855 г. Каюм Насыри в возрасте 30 лет начал вести занятия в Казанском православном духовном училище [7, с. 43], сменив Хайруллу Айбетова.

29 сентября 1855 г. правление КДС ходатайствовало перед администрацией КДА об открытии трех классов для практических занятий по татарскому языку. Учитель татарского языка из духовной семинарии Г.С. Саблуков рекомендовал руководству перевести К. Насыри из духовного училища в КДС. Его фамилия значится в именных списках преподавателей семинарии начиная с сентября 1855 г. [8, с. 218–220].

Учебная работа отнимала у Каюма значительное время. В духовном училище изучению татарского языка отводилось по два урока в неделю в среднем и высшем отделениях, в КДС учебная нагрузка составляла в младшем отделении – 3, в среднем – 5, в старшем – 4 часа в неделю [9, с. 75].

Новая профессия повлияла прежде всего на место проживания Каюма. Он стал жителем русской части Казани. Квартиры большинства преподавателей КДС располагались в так называемом учительском корпусе [7, с. 45]. В комнату, расположенную в мансарде (чердаке) учебного заведения, К. Насыри заселился, когда стал штатным преподавателем КДС. В служебном жилье преподавателя-практиканта протекала крыша.

В русской части города у Насыри-мусульманина возникла проблема с питанием. Беспokoясь за работающего с большой нагрузкой любимого сына, родители отправляли к Каюму из деревни мальчиков-слуг. В 1857 г. по этому поводу К. Насыри пишет, что только что научился жить без прислуги, а ему снова прислали из деревни мальчика, каждый месяц много времени уходит на обучение каждого нового слуги его должностным обязанностям [3, с. 56]. Очевидно, не знавшие русского языка мальчики, находясь в состоянии глубокого стресса в необычной инокультурной среде, сбегали в родную деревню при первой возможности, а заботливые родители присылали на замену другого.

Не позднее 1860 г. К. Насыри начал снимать частную квартиру. В своем письме родителям от 10 октября 1860 г. он сообщал, что по-прежнему проживает у Мухаммадшаха, что было для него накладно в материальном отношении, и жаловался на отсутствие мальчика-слуги, а также писал, что, если найдется слуга, он переедет на прежнюю квартиру, хотя условия проживания там оставляют желать лучшего (II, с. 542–543). Односельчане опасались отправлять своих сыновей в качестве прислуги в здание духовной семинарии, где находилась служебная квартира.

В начале 1862/1863 учебного года К. Насыри по-прежнему арендовал жилье у того же хозяина. И в письме родителям от 15 октября 1862 г. вновь сообщал, что в случае появления прислуги переедет в прежнее жилье (II, с. 546). Осенью 1864 г. он снова проживал в здании семинарии (I, с. 565, 567).

В плане сохранения конфессиональной идентичности К. Насыри в стенах КДС не испытывал какого-либо давления со стороны коллег и руководства учебного заведения, хотя

² Б.Я. Юсупов.

жизнь в инокультурной среде и специфическое общение, безусловно, первоначально создавали для преподавателя татарского языка определенный дискомфорт. Находясь в системе православного религиозного образования, К. Насыри сохранял целостность мусульманского религиозного уклада. Однако в условиях отсутствия традиционного конфессионального окружения происходило определенное «снижение его религиозного капитала» (по выражению Л. Яннакона) [10, с. 187].

Важно отметить, что в обществе, в котором доминируют средневековые нормы религиозности, одежда представителя конфессионального сообщества может быть принципиальным маркером приверженности личности традиционным ценностям. В период работы в КДС К. Насыри одевался на европейский манер (III, с. 493), в частности, первым из мусульман татарских слобод Казани надевал «русские брюки» (IV, с. 96).

Необходимость обязательного присутствия на уроках, согласно расписанию образовательного учреждения, могла стать причиной того, что К. Насыри совершал пятикратные намазы не в строго установленное время. Также полагаем, что привычка ученого совершать пятничный полуденный праздничный намаз в домашних условиях, а не в соборной мечети (что является обязательным для правоверного мусульманина) также сложилась в период работы в КДС. Это произошло, скорее всего, вследствие острой критики и неприятия единоверцами его работы в семинарии. Не вызывает сомнения и тот факт, что привычка к курению, которое у мусульман Казани считалось тогда недопустимым для правоверного, также возникла у него в стенах КДС. Перечисленные факты позволяют говорить об определенных изменениях в религиозном поведении К. Насыри.

Следует отметить, что братья К. Насыри, которые длительное время проживали в русской среде, были еще больше подвержены влиянию инокультурной среды. В частности, старший брат Габдельхай, содержавший в Москве мыловаренную мануфактуру, и его младшие братья Габдельгани и Габдельвали употребляли спиртные напитки [3, с. 44–45].

Безусловно, К. Насыри не прерывал контактов с традиционной религиозной средой, прежде всего – по линии родственных отношений. Он регулярно переписывался с родными братьями и родителями, если сам часто не писал, то любящие родители активно слали письма. Нередко родители, братья и сестра присылали заказы на пошив национальной одежды, головных уборов и обуви. Переписка со старшим братом Габдельхаем носила не только личностный, но и производственный характер: по его поручению К. Насыри доставал и отправлял в Москву разные материалы, необходимые для организации производства и продажи продукции мыловарни. На этом поприще он активно контактировал с представителями деловых кругов Казани, в том числе с татарскими предпринимателями.

В Казани проживал младший брат отца К. Насыри – Мухаммадгалим, с 1829 г. занимавший должность муэдзина при Соборной базарной мечети (Ак мечеть). Когда Габденнасыр Хусаинов приезжал из родной деревни в Казань, он останавливался в доме Мухаммадгалима. Очевидно, Каюм приходил сюда в гости не только во время приезда отца в Казань.

Возвращаясь несколько раз в год в отчий дом, К. Насыри соблюдал все нормы благочестивого мусульманина, в том числе ходил в мечеть на пятничный полуденный намаз. Полагаем, что с момента назначения младшего брата Габделькави в 1864 г. имамом-хатибом при мечети родной деревни казанский гость вместе с муллой часто приходили в мечеть для совершения намаза.

Казенное жалованье К. Насыри в семинарии было небольшим. В одном из писем родителям 1857 г. он сообщал по этому поводу следующее: «Пишете: живи с запасом. Как жить

с запасом? Что остается, если разделить 500 руб. на 360 дней: нужно месяц жить без еды и питья или занимать деньги в долг? И то, и другое не в моих силах. Вы совсем неверно рассуждаете о наличии у меня каких-либо денежных сбережений»³ [3, с. 47].

Старший брат Габдельхай был для Каюма самым близким человеком, с которым ученый делился своими планами. В 1859 г. К. Насыри приезжал к нему в Москву (V, с. 356–357). Когда по возвращении в Казань изготовители ювелирных украшений стали расспрашивать его о стоимости драгоценных камней, он, увидев в этом возможность легко заработать, тотчас написал Габдельхаю об своей идее продать с выгодой на казанском рынке драгоценные камни и спрашивал его мнения по поводу присылки 10 тыс. камней бирюзы (V, с. 359). Однако нам не известно, нашел ли Габдельхай средства для реализации плана младшего брата.

В своих письмах после 1860 г. К. Насыри сообщал о желании создать семейный очаг. В 1865 г. 40-летний Каюм женился на дочери казанского ямщика Мусажита – Зюхре, после чего вернулся в традиционную языковую среду. Семейное благополучие подарило К. Насыри душевное спокойствие, о котором он мечтал многие годы. Однако счастливая семейная жизнь молодоженов оборвалась через год – в 1866 г. его любимая супруга умерла сразу после родов. На обложке своего Корана, который он каждый день брал в руки, убитый горем вдовец записал основные даты своей семейной жизни: никах с Зюхрой состоялся во второй декаде июня 1865 г.; вошел в дом невесты в качестве жениха он 12 августа; у жены случился выкидыш 16 июля 1866 г., в субботу, во время икенде (аср) намаза; мертворожденного ребенка нарек Габдельхаем и похоронил в тот же день; супруга умерла в воскресенье вечером, во время захода солнца; была похоронена в понедельник [3, с. 47–48].

К. Насыри всей душой стремился к семейному благополучию и комфорту. Только таким образом можно объяснить его переезд в дом тестя Мусажита, с которым у него сложились самые близкие родственные отношения, а неожиданная трагическая смерть Зюхры их еще более сблизил. По предварительной договоренности младшая дочь хозяина дома после достижения ею совершеннолетия должна была выйти замуж за Каюма. В качестве домашнего учителя К. Насыри с большим старанием и надеждами на семейную жизнь в течение нескольких лет преподавал свояченице разные науки: географию, математику и историю, и она, будучи прилежной ученицей, проявляла старание и заинтересованность в учебе, однако, достигнув 16-летнего возраста, не захотела выйти замуж за мужчину, который был в два с лишним раза старше. К. Насыри пришлось переехать из дома тестя. Своаяченица, отвергнувшая предложение Каюма Насыри создать семью, вышла замуж за молодого человека. Этот поступок свояченицы лишил К. Насыри веры в женский пол [3, с. 48, 61]. После этого он больше не женился, проведя остаток жизни вдовцом⁴.

В период работы в КДС узкий мусульманский круг общения К. Насыри состоял из небольшой группы лиц, вовлеченных в русскую культуру. Из числа представителей татарской интеллигенции, с которыми он поддерживал дружеские и деловые отношения, следует назвать прежде всего каллиграфа Мухаммадгали Махмудова (1824–1891), который в

³ Перевод наш. – И. З.

⁴ Мы солидарны с Г. Рахимом, который считает недостоверным утверждение Насреддина Худжаши, обещавшегося с К. Насыри примерно за год до его кончины, когда просветитель уже сильно болел и порой временами терял память: на его вопрос: «Почему не женились, чтобы было кому ухаживать за вами в старости?» – К. Насыри якобы отвечал, что женился дважды. Первый раз – в молодости, однако с первой женой не возникло любовного чувства, поэтому развелись по ее просьбе. Со второй супругой было полное взаимопонимание, однако общение с ней стало отрицательно сказываться на написании трудов. На этот раз развелся сам с тем, чтобы не пострадали изыскания и труды [3, с. 48].

1850–1868 гг. работал учителем татарского языка Первой гимназии. В 60-е годы XIX в., когда Казанский университет открыл свои аудитории для вольнослушателей, Мухаммадвали Махмудов и Каюм Насыри стали посещать лекции, что сыграло огромную роль в углублении знаний последнего по гуманитарным наукам и в его просветительских проектах [11, с. 86]. Близкой к К. Насыри личностью также представляется искусный литограф Мухаммадвали Яхин, с которым они в 1862 г. совместно подали прошение об издании еженедельной газеты на татарском языке под названием «Таң йолдызы» («Утренняя звезда») [12]. К кругу общения ученого правомерно причислить и некоторых татарских купцов, с которыми К. Насыри общался в рамках выполнения производственных поручений старшего брата Габдельхая.

Общение с представителями русской интеллигенции и самообразование оказали большое влияние на становление К. Насыри как исследователя, популяризатора научных знаний и высокообразованного человека. В архиве просветителя среди документов, имеющих отношение к периоду его работы в КДС, отложилась написанная им собственноручно записка, свидетельствующая о его разносторонней образованности. К. Насыри пишет, что подготовлен и может сдать экзамены по следующим предметам: 1) русскому языку, 2) русской грамматике, 3) математике, 4) географии России и 5) русской истории, а также по арабскому, персидскому, турецкому, джагатайскому и татарскому языкам (VI, с. 1).

Ю.Ю. Синелина выделяет следующие циклы секуляризации в истории России: первый цикл – процесс секуляризации в дворянстве и части интеллигенции, второй – в средних слоях общества (разночинцы), третий – в среде рабочих и крестьян. Согласно ее концепции, разночинский период начался в 60-х годах XIX в. и продолжался до 1917 г. [13, с. 63; 14, с. 176]. Следовательно, педагогическая деятельность К. Насыри пришлась главным образом на разночинский период секуляризации России.

Обучение в российских вузах и гимназиях основывалось на традициях и достижениях светского европейского образования с исключением из них момента, связанного с вероисповедованием; учебный процесс осуществлялся по переводным или адаптированным учебным пособиям и учебникам. В высшей школе влияние православной религии было минимальным, а преподавание основ православия в гимназиях являлось во многом формальным. В рассматриваемый период в мировоззренческом плане гимназии и университеты являли собой фактически секулярную систему образования. Важно также отметить, что православная церковь была удалена от системы образования дворянства и крайне слабо влияла на его воспитание [15, с. 33–34].

Сотрудники Казанского университета, с которыми в соответствии со своими профессиональными интересами К. Насыри приходилось обращаться, являлись выпускниками вышеупомянутых гимназий и университетов. Таким образом, наряду с преподавателями светских дисциплин татарский ученый стал одним из представителей светской секуляризованной интеллектуальной прослойки российского общества.

Еще одной важной частью микросекулярного общества, в котором оказался К. Насыри в стенах КДС, были преподаватели православного учебного заведения, которые спокойно относились к исполнению преподавателем татарского языка своих религиозных обязанностей. Необходимо отметить, что тогда в миссионерских кругах Казани считалось, что светские науки и ислам не совместимы, поэтому распространение среди мусульман светских знаний воспринималось как ослабление ислама. Поэтому никто не препятствовал увлечению Каюма Насыри научными изысканиями [3, с. 64–65].

В начальный период работы К. Насыри в КДС его напарником в преподавании татарского языка был Н.И. Ильминский, организатор противомусульманского отделения КДА, однако в 1858/1859 учебном году из-за разногласий с ректором Казанской духовной академии он вынужден был уехать в Оренбург.

В архиве сохранилось письмо К. Насыри, написанное Н.И. Ильминскому в марте 1859 г., в котором татарский ученый сообщает о подготовленной им книге «Мәжмәгыль әхвал» («Сборник сведений») (опубликована в 1895 г.) и словаре татарского языка, предназначенном для учащихся, и передает слова приветствия его супруге Екатерине Степановне [16, с. 127]. Значит, в тот период К. Насыри очень близко общался с Н.И. Ильминским, его приглашали в дом видного тюрколога.

В становлении К. Насыри как исследователя важную роль сыграл и преподаватель-востоковед, автор историко-археологического исследования по истории Золотой Орды Г.С. Саблуков (1804–1880). Его уход из семинарии в 1858/1859 учебном году К. Насыри переживал весьма болезненно; узнав о том, что Г.С. Саблуков уходит из КДС, татарский коллега пришел к нему домой, чтобы поддержать его в трудную минуту.

Теперь, после ухода из семинарии Н.И. Ильминского и Г.С. Саблукова, а из КДА – учителя татарского языка Биктимера Юсупова, К. Насыри считал, что остался в КДС практически один [16, с. 127]. Очевидно, эти трое составляли в 1855–1857 гг. ближайший круг его общения.

В своем вышеупомянутом письме старшему брату Габдельхаю от 23 апреля 1858 г. К. Насыри писал: «...в семинарии живу уже два года, там тоже одинок. Что же поделаешь. Не знаю я: куда ни пойдешь, везде мир тесен» (I, с. 557). Очевидно, адаптация к новым условиям жизни и работы у К. Насыри проходила негладко.

После Н.И. Ильминского татарский язык в паре с К. Насыри преподавал Яков Иванович Фортунатов, выпускник КДА. С ним К. Насыри также поддерживал дружеские и деловые отношения. В архиве К. Насыри сохранилась его записка с приглашением коллеги на чаепитие [16, с. 127]. В 60-е годы XIX в. они оба разрабатывали русско-татарские словари, что также свидетельствует о близости их научных интересов. Словарь Я.И. Фортунатова в связи с кончиной автора в 1870 г. остался в рукописи, а К. Насыри издал свой труд в 1878 г. [9, с. 94].

После возвращения Н.И. Ильминского в Казань в 1862 г., когда ученый-миссионер начал составлять учебно-методические пособия и учреждать миссионерские начальные школы для крещеных татар с целью предотвращения их перехода в ислам, отношение К. Насыри к бывшему напарнику по обучению татарскому языку претерпело существенные изменения.

В 1867 г. К. Насыри подготовил второе, дополненное, издание книги «Буш вакытларда укырга сүзләр. Берничә төрле нәрсәләр хакында. Бу дөньяларда ни-нәрсәләр бар, ни эшләр бар – белемгә мәел ителүчеләрне белешлэндерер өчен» («Слова для чтения в свободное время. О некоторых различных вещах. Что есть в этом мире и какие дела происходят в этом мире – для ознакомления тех, кто стремится к знаниям»)⁵, 44 страницы в ней занимал татарско-русский словарь, на остальных четырех десятках страниц были размещены научно-популярные сведения по анатомии человека, минералогии, другим естественным наукам и назидательные хикайты-рассказы – тексты для чтения на уроках грамматики. Как оказалось, инициатором данного издания был Н.И. Ильминский, который, однако, не

⁵ В объявлении о продаже этой книги издание именовалось «Сборник статей о приметах видимой природы» (VII, с. 1).

стал напрямую обращаться к К. Насыри и действовал через его коллегу и своего бывшего ученика Я.И. Фортунатова. Ученый-миссионер попросил Я.И. Фортунатова уговорить преподавателя-практиканта подготовить новый, расширенный вариант книги со словарем. Я.И. Фортунатов сумел убедить К. Насыри в необходимости второго издания (VII, с. 2), которое должно было способствовать более качественной подготовке будущих священников, призванных заниматься пастырским ремеслом в зонах контактов с «иногородцами». В этот период письменных свидетельств общения татарского ученого с Н.И. Ильминским не выявлено.

К. Насыри также знал о событиях, связанных с посещением 1 октября 1866 г. исправляющим должность казанского губернатора вице-губернатором Е.А. Розовым и Н.И. Ильминским в сопровождении военного отряда, полиции и представителей православной церкви д. Малые Ширданы и соседних населенных пунктов, в которых проживали локальные группы крещеных татар, подавшие прошение на имя императора о разрешении перейти в ислам. Прибывшие увещевали их вернуться в лоно православной церкви, однако эти старания не возымели ожидаемого результата (VIII, с. 294). Власти поступали с активистами и руководителями движения «отпадения в мусульманство» как «с отступниками от веры и послушниками правительства», производя аресты [17, с. 75, 77].

На почве научных и методических изысканий у К. Насыри наладились взаимопонимание и диалог с русской научной интеллигенцией Казани, в среде которой выделяется колоритная фигура востоковеда И. Готвальда (1813–1897). К моменту трудоустройства К. Насыри в КДС восточный разряд Казанского университета «переехал» в Санкт-Петербургский университет, в котором был организован восточный факультет. Из прежнего состава ориенталистов в Казани остался лишь иранист И. Готвальд, который работал научным библиотекарем университета (IX, с. 95–98).

Все подопечные К. Насыри, которых он обучал в стенах КДС, и студенты КДА, которые приходили к нему на консультации или брали индивидуальные уроки, являлись сыновьями городского и сельского православного духовенства. В таких семьях чтили религиозные традиции, и сыновей готовили к духовной карьере и пастырской службе. Однако по новому Уставу духовных учебных заведений 1867 г. в семинариях перестал соблюдаться принцип сословности при получении профессионального религиозного образования и коренным образом поменялась система обучения. Теперь в духовные семинарии поступали молодые люди и после окончания светских учебных заведений, и после домашнего обучения. Более того, первые четыре класса за исключением нескольких религиозных предметов являлись светскими [7, с. 48–49].

Некоторые из подопечных К. Насыри продолжали обучение в КДА. Среди его воспитанников, сделавших успешную чиновничью карьеру, следует отметить Василия Владимировича Катаринского (1846–1902), который как знающий татарский язык был по рекомендации Н.И. Ильминского определен в 1875 г. инспектором «иногородческих» – татарских, башкирских и казахских – школ вновь учрежденного Оренбургского учебного округа и занимал эту должность до 1902 г. (X, с. 372).

В.В. Катаринский опубликовал на русском языке «Букварь для киргиз», «Первоначальный учебник русского языка для киргиз» (1894), с многочисленными дополнениями «Материалов к изучению киргизского языка» Н.И. Ильминского издал «Грамматику киргизского языка» (1897), которая получила высокую оценку тюрколога П.М. Мелиоранского [18, с. 217]. Он также составил «Материалы по этнографии киргиз» (1899), перевел на казахский язык

религиозные книги «Изге Иосиф» и «Изге гайыб» и предложил их в качестве учебников для казахско-русских училищ (XI, с.186–187).

Инспектор мусульманских школ В.В. Катаринский также являлся составителем изданного без авторства «Букваря для башкир» (1892), в котором был предложен алфавит из 39 букв на основе кириллицы; «Краткого русско-башкирского словаря» (1893), разделенного на 43 тематических раздела и содержащего 2 тыс. слов; «Башкирско-русского словаря» (1899), включающего более 2600 статей (X, с. 372).

Один из лучших учеников КДС по языкознанию П.П. Масловский изучал татарский язык у К. Насыри в духовном училище, затем, с 1860 г., – в КДС. Помимо уроков он часто беседовал с преподавателем, а также помог К. Насыри «обработать в педагогических целях» собранные им памятники народного творчества [9, с. 76] и, видимо, осуществлял литературное редактирование его научной статьи «Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства».

Среди студентов КДА, которых консультировал К. Насыри, значится будущий крупный чиновник Туркестана, ориенталист, этнограф и миссионер Н.П. Остроумов (1846–1930), который, вспоминая годы учебы в КДА в 1866–1870 гг., писал: «На 4-й год, по указанию Е.А. Малова, я занимался изготовлением диссертации на степень и по требованию темы должен был переводить мусульманскую книгу Рабгузи “Рассказы о пророках”. Это занятие поддерживало во мне усердие к арабскому языку. Книгу с помощью К. Насырова я осилил и в языке книжно-татарском весьма преуспел» [19, с. 32].

Будучи преподавателем духовной семинарии, К. Насыри писал в одном из писем своим родителям следующее: «Очень скучно, не знаю, как прожить жизнь. Хочется, чтобы жизнь поскорее закончилась. Другой человек, возможно, совершил бы что-либо. Слава богу, я, как брат пророка Аюпа, смиренный. Хотелось также быть братом пророка Нуха и братом пророка Сулеймана. Если не быть братом этих трех личностей, нельзя жить в этой жизни» [3, с. 60–61]. Трудно сказать, какие конкретные черты характера упомянутых пророков, жизнь которых была полна испытаний, имел в виду К. Насыри. Например, пророк Аюп получил известность благодаря безграничной стойкости и терпению. Пророк Сулейман известен тем, что знал много языков, понимал язык животных и птиц – жил в гармонии с природой. Пророк Нух перенес много издевательств со стороны неверных, однако неустанно продолжал проповедовать и выполнять возложенную Всевышним миссию, спас человечество от всемирного потопа, благодаря чему на Земле начался новый этап жизни: он служил высшим целям бытия.

Таким образом, в микросекулярном обществе, представленном русской интеллигенцией, преподавателями КДС и интегрированной в русскую культуру татарами-интеллектуалами, К. Насыри в какой-то момент оказался в одиночестве, несмотря на педагогическую загруженность и напряженную методическую и исследовательскую работу.

Заключение. Резюмируя, отметим, что микросекулярное общество, в котором жил Каюм Насыри в 1855–1870 гг., с одной стороны, ограничивало его контакты с традиционным мусульманским сообществом и «укрывало» от внешнего мира его религиозные практики и повседневную жизнь, с другой – создавало благодатную почву для формирования нового круга общения и интересов. В результате благодаря самоотверженной научно-педагогической работе и товарищеской помощи представителей русской и татарской интеллигенции в стенах КДС К. Насыри состоялся как ученый-языковед, этнограф и исследователь-методист.

Активно изучая научную литературу, знакомясь с периодической печатью и общаясь с преподавателями-тюркологами и востоковедами Казани, К. Насыри стал одним из пред-

ставителей образованной разночинной интеллигенции, занимавшейся научной и преподавательской деятельностью. Установленные в годы преподавания контакты с научной интеллигенцией Казани К. Насыри впоследствии развивал и наполнял новым содержанием в рамках своей исследовательской и просветительской деятельности. Кроме того, усвоение классно-урочной системы, основательное изучение методик преподавания, применявшихся в европейской образовательной системе и отечественных учебных заведениях, сыграли важную роль в его дальнейшей научно-методической работе.

Именно в этом микросекулярном обществе у ученого сформировались контуры его просветительской программы, наглядным проявлением которой явилось поданное в 1862 г. совместно с хозяином литографии М. Яхиным ходатайство об издании первой среди тюркских народов России газеты «Таң йолдызы» («Утренняя звезда») на родном языке. В последующие годы идея просветительства была реализована в ежегодных календарях, которые с 1870 г. издавались благодаря огромному трудолюбию, энциклопедическим знаниям и идейности К. Насыри, поставившего перед собой цель донести до единоверцев полезную в повседневной жизни и быту информацию.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- I – Абыйсы Габделхэйгэ язган хатлар // Каюм Насыри: әдәби-тарихи һәм документаль-биографик жыентык / Төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б. 555–574.
- II – Өти-әнисенә язган хатлар // Каюм Насыри: әдәби-тарихи һәм документаль-биографик жыентык / Төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б. 540–554.
- III – *әл-Кәчимири Габдулла бине Тажетдин*. Габделкаюм ән-Насыри // Каюм Насыри: әдәби-тарихи һәм документаль-биографик жыентык / Төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б. 493–496.
- IV – *Насыри К.* Татар этнографиясе материаллары // Каюм Насыри. Сайланма әсәрләр: 2 т. Казан Татарстан кит. нәшр., 1974. Т. 1. Б. 90–115.
- V – Каюм Насыри язган хатлар // Насыри К. Сайланма әсәрләр: 4 т. / Төзүче, гарәп графикасыннан аерым текстларны гамәлдәге язуга күчерүче һәм кереш мәкалә авторы Х. Мәхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. Т. 3. Б. 350–369.
- VI – Центр письменного наследия ИЯЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 46: Разрозненные листы черновых записей К. Насыри. Рукописи на татарском и русском языках. 64 л.
- VII – Центр письменного наследия ИЯЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15: Объявления, написанные К. Насыри о продаже собственных изданий. Рукописный текст на татарском и русском языках. 2 л.
- VIII – Представление исправляющего должность казанского губернатора вице-губернатора Е.А. Розова от 5 дек. 1866 г. за № 5505 // Ильминский Н.И. Казанская крещено-татарская школа. Материалы для истории христианского просвещения крещеных татар. Казань: Типогр. В.М. Ключникова, 1887. С. 291–312.
- IX – *Ермолаева Г.* Готвальд Иосиф Федорович // Научная библиотека Казанского университета в лицах: в 2 ч. / Сост. В.И. Шишкин, Ж.В. Щельванова. Казань: Казан. ун-т, 2011. Ч. 1. Сотрудники библиотеки, 1806–2007 гг. С. 95–98.
- X – *Латыпова Р.М.* Катаринский Василий Владимирович // Башкирская энциклопедия: в 7 т. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2007. Т. 3. З–К. С. 372.
- XI – Катаринский Василий Владимирович // Казахстан: национальная энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. Б. Аяган. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2005. Т. 3. К–М. С. 186–187.

Литература

1. *Гайнетдин М.* Каюм Насыйри: шәхес һәм иҗат // Насыйри Каюм. Сайланма әсәрләр: 4 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. Т. 1. Б. 3–9.
2. *Хайрутдинов А.Г.* Мифтах аль-Кур'ан: первый в мусульманском мире конкарданс Корана // Ислам в современном мире. 2016. Том 12. № 1. С.57–76.
3. *Рәхим Г.* Каюм Насыйриның тәржемәи хәлә // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / Редкол.: И.Г. Гомәров (проект жит. һәм җавап. мөх.), З.З. Рәмиев, А.М. Ахунов; төзүчеләр: Л.Ш. Гарипова, Г.М. Ханнанова. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б. 42–81.
4. *Хабибуллина Д.А.* Деятельность Каюма Насыри в православных религиозных учебных заведениях // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2023. № 1. С. 34–43.
5. *Ханбиков Я.И.* Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа (из истории русско-татарских педагогических связей). Казань, 1968. 136 с.
6. *Салахов М.М.* Востоковедение в Казанской духовной академии во второй половине XIX – начале XX века. Миссионерский аспект // Minbar. Islamic Studies. 2009. Т. 2, № 2. С. 144–155. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2009-2-2-144-156>.
7. *Липаков Е.В.* Казанская духовная семинария: историч. очерк. Казань: Центр инновац. технол., 2007. 131 с.
8. *Хасанишина Л.Ж.* «Желая открыть торговлю книгами» (документы о Каюме Насыри в фондах НА РТ) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2010. № 3/4. С. 217–221.
9. *Харлампович К.В.* П.П. Масловский и его переписка с Н.И. Ильминским (материалы для истории рус. миссии) // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. Т. XXIII. Вып. 2. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1907. С. 67–109.
10. *Опалев С.А.* Критика теории секуляризма в теории рационализма // Религиоведческие исследования. 2010. № 3/4. С. 170–189.
11. *Рәхим Г.* Насыйриның тәржемәи хәленә гыйләвә // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / Редкол.: И.Г. Гомәров (проект жит. һәм җавап. мөх.), З.З. Рәмиев, А.М. Ахунов; төзүчеләр: Л.Ш. Гарипова, Г.М. Ханнанова. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б. 81–88.
12. *Каримуллин А.Г.* Издательская деятельность Каюма Насыри и проект газеты «Таң йолдызы» // Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыйри / Отв. ред. Я.Г. Абдуллин. Казань: ИЯЛИ, 1976. С. 175–183.
13. *Синелина Ю.Ю.* Церковь и интеллигенция. Мифы и реальность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4 (110). С. 61–70.
14. *Синелина Ю.Ю.* О характере процесса секуляризации в России // Вопр. философии. 2002. № 12. С. 220–227.
15. *Синелина Ю.Ю.* О циклах изменения религиозности образованной части российского общества (начало XVIII в. – 1917 г.) // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 88–96.
16. *Гали М.* Каюм Насыйриның кулъязма мирасы // Каюм Насыйри. 1825–1945. Тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары / Җаваплы редактор Ш.А. Рамазанов. Казан: Татгосиздат, 1948. Б. 119–130.
17. *Загидуллин И.К.* К вопросу отпадения крещеных татар Казанской губернии в мусульманство 1866 года // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода / Отв. ред. С.Х. Алишев. Казань: ИЯЛИ, 1990. С. 66–78.
18. *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л.: Наука, 1972. 272 с.
19. *Шарафутдинов З.Т., Ханбиков Я.И.* История педагогики Татарстана. Казань: КГПУ, 1998. 307 с.

References

1. Gajnetdin M. Kayum Nasyri: Personality and work. In: *Kayum Nasyri. Selected Works*. Vol. 1. Kazan, Tatar. Kit. Neshr., 2003, pp. 3–9. (In Tatar)
2. Khairutdinov A.G. Miftah al-Qur'an: The first Quran concordance in the Muslim world. *Islam v Sovremennom Mire*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 57–76. (In Russian)
3. Rekhim G. Biography of Kayum Nasyri. In: Garipova L.Sh., Khannanova G.M. *Spiritual Heritage: Searches and Discoveries*. Gumerov I.G., Remiev Z.Z., Akhunov A.M. (Eds.) Kazan, TehSI, 2020, pp. 42–81. (In Tatar)
4. Khabibullina D.A. Kayum Nasyri's activities in Orthodox religious educational institutions. *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2023, no. 1, pp. 34–43. (In Russian)
5. Khanbikov Ya.I. *Russkie pedagogi Tatarii i ikh rol' v razvitii prosveshcheniya i pedagogicheskoi mysli tatarskogo naroda (iz istorii russko-tatarskikh pedagogicheskikh svyazei)* [Russian Teachers in Tataria and Their Role in the Education and Pedagogical Thought Development of the Tatar People (From the History of Russian–Tatar Pedagogical Relations)]. Kazan, 1968. 136 p. (In Russian)
6. Salakhov M.M. Oriental studies at the Kazan Theological Academy from the second half of the 19th to early 20th Century. Missionary aspect. *Minbar. Islamic Studies*, 2009, vol. 2, no. 2, pp. 144–156. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2009-2-2-144-156>. (In Russian)
7. Lipakov E.V. *Kazanskaya dukhovnaya seminariya: istorich. ocherk* [Kazan Theological Seminary: A Historical Overview]. Kazan, Tsentr Innovatsionnykh Tekhnol., 2007. 131 p. (In Russian)
8. Khasanshina L.Zh. “Wishing to start a book trade” (documents about Kayum Nasyri from the collections of the National Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan). *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 2010, no. 3/4, pp. 217–221. (In Russian)
9. Kharlampovich K.V. P.P. Maslovsky and his correspondence with N.I. Ilminsky (materials for the history of Russia's mission). In: *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii* [Proceedings of the Society of Archaeology, History, and Ethnography]. Kazan, Tipo-Lit. Imp. Univ., 1907, vol. XXIII, no. 2, pp. 67–109. (In Russian)
10. Opalev S.A. Criticism of the theory of secularism in the theory of rationalism. *Religiovedcheskie Issledovaniya*, 2010, no. 3/4, pp. 170–189. (In Russian)
11. Rekhim G. Supplement to the biography of Kayum Nasyri. In: Garipova L.Sh., Khannanova G.M. *Spiritual Heritage: Searches and Discoveries*. Gumerov I.G., Remiev Z.Z., Akhunov A.M. (Eds.) Kazan, TehSI, 2020, pp. 81–88. (In Tatar)
12. Karimullin A.G. Kayum Nasyri's work as a publisher and the project of the newspaper “Tan Yoldyzy”. In: Abdullin Ya.G. (Ed.) *Vydayushchiysya prosvetitel'-demokrat Kayum Nasyri* [Kayum Nasyri as an Outstanding Enlightener and Democrat]. Kazan, IYaLI, 1976, pp. 175–183. (In Russian)
13. Sinelina Yu.Yu. The church and the intelligentsia. Myths and reality. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, 2012, no. 4 (110), pp. 61–70. (In Russian)
14. Sinelina Yu.Yu. On the nature of secularization process in Russia. *Voprosy Filosofii*, 2002, no. 12, pp. 220–227. (In Russian)
15. Sinelina Yu.Yu. On the cycles of transformations in religiosity among the Russian educated elite (from the early 18th century to 1917). *Sociologicheskie Issledovaniya*, 2003, no. 10, pp. 88–96. (In Russian)
16. Gali M. Kayum Nasyri's manuscript heritage. In: *Kayum Nasyri, 1825–1945. Proc. Sci. Sess. Dedicated to the 120th Anniversary of His Birth*. Ramazanov Sh.A. (Ed.). Kazan, Tatgosizdat, 1948, pp. 119–130. (In Tatar)
17. Zagidullin I.K. On the apostasy of the baptized Tatars in the Kazan Governorate to Islam in 1866. In: Alishev S.Kh. (Ed.) *Natsional'nyi vopros v Tatarii dooktyabr'skogo perioda* [The National Question in Tataria before the October Revolution]. Kazan, IYaLI, 1990, pp. 66–78. (In Russian)

18. Kononov A.N. *Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii. Dooktyabr'skii period* [The History of Turkic Language Studies in Russia. Before the October Revolution]. Leningrad, Nauka, 1972. 272 p. (In Russian)
19. Sharafutdinov Z.T., Khanbikov Ya.I. *Istoriya pedagogiki Tatarstana* [A History of Pedagogy in Tatarstan]. Kazan, KGPU, 1998. 307 p. (In Russian)

Информация об авторе

Загидуллин Ильдус Котдусович, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований, Академия наук Республики Татарстан

E-mail: zagik63@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>

Author Information

Il'dus K. Zagidullin, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Senior Researcher, Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences

E-mail: zagik63@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0501-2177>

Поступила в редакцию 20.09.2024

Принята к публикации 19.12.2024

Received September 20, 2024

Accepted December 19, 2024